

ДЖОН НОЙМАЙЕР:

Русской темы в балете избежать невозможно

В прошлом году была учреждена международная премия за развитие и укрепление гуманитарных связей в странах Балтийского региона — «Балтийская звезда». Церемония награждения проходит в рамках традиционного осеннего фестиваля «Балтийский дом». В нынешнем году высокая награда досталась руководителю Гамбургского балета — Джону НОЙМАЙЕРУ, который вместе с режиссером Александром Сокуровым и почетным послом Польши Эугениушем Мельцареком принимал активнейшее участие в петербургско-польских театральных проектах. Ноймайера наградили не просто по территориальному признаку и в знак всеобщей любви, но за конкретный вклад в историю петербургского и мирового балета. Даже если бы он не поставил ни одного балета ни в Гамбурге, ни в Петербурге, его стоило бы отблагодарить за сохранение материального наследия «Русских сезонов». История со знаменитой коллекцией гамбургского хореографа еще не подошла к концу, ее мытарства только начинаются, так как у ганзейского города пока не хватает средств для объединения в одном здании музейных залов, научного института и квартиры самого собирателя. Есть надежда, что неожиданная для лауреата премия «Балтийская звезда» хоть частично поправит финансовые дела хореографа-собираателя. Наш корреспондент встретился с Джоном НОЙМАЙЕРОМ в Петербурге накануне вручения «Балтийской звезды»:

— Вы ощущаете свою связь с Петербургом?

— Как всякий художник, я почитаю деятелей культуры, рожденных в Петербурге. А как художник, связанный с балетом, я чту этот город как колыбель того балета, вечным заложником которого я являюсь. И лично для меня, хореографа Джона Ноймайера, трудно отделить этот невольный город от личности Вацлава Нижинского, хотя для меня это очень интимное чувство. Не так-то просто отдать Нижинского обратно России, увидеть и признать его петербургские корни. Мы в Европе привыкли считать этого гения своим и гораздо больше французом, чем русским или поляком.

Еще меня волнует Ленинград, ведь именно сюда я привозил свою труппу на гастроли. Это была первая поездка коллектива в СССР. Она явилась почетной проверкой наших связей и проверкой моей работы лично. Это была также большая честь предъявить результаты этому великому городу и театру, тогда еще Кировскому.

Дальше случилось невероятное — впервые за сто лет Мариинский театр решил пригласить иностранного хореографа для абсолютно новой постановки на своей сцене. Я думаю, что это было свидетельством уже обратной связи. И премия, которая, как я выяснил, вручается за укрепление связей между странами Балтики, подразумевает мои многолетние творческие контакты именно с Петербургом.

— А когда вы жили в Америке, как вы представляли себе Петербург? Насколько мне известно, вам в очень раннем детстве попала книга про императорский балет.

— Да, вы правы. Мне было немного более одиннадцати лет, когда я напал на целый склад книг о балете в библиотеке маленького американского городка, где жил. Героем одной из книг был Вацлав Нижинский, и я буквально заразился историей его детства и юности, которые проходили, естественно, в революционном

Петербурге. Помню, я даже завидовал ему, когда представлял, как он мальчиком с ранцем за плечами шел среди баррикад в 1905 году. Но мне не скоро пришлось оказаться в Ленинграде, да и визиты мои в этот город были слишком короткими, чтобы вдоволь побродить по улицам города. Мне непременно хотелось пройти самому по намеченным маршрутам, требующим знания местности, то есть не теми «тропами», которыми бродят туристы. Только в 2001 году, когда я ставил «Звуки пустых страниц» в Мариинском театре, я прошел по этим маршрутам — посетил дома, ходил по улицам и кварталам, где бывали Вацлав Нижинский, Тамара Карсавина, Александр Бенуа. Это было очень сильное и необыкновенно приятное эмоциональное потрясение.

— Получается, что для своего балета «Нижинский», осуществленного в 2000 году, вы «русскими» источниками не успели воспользоваться?

— Скорее я реконструировал «русский период» Нижинского по западным источникам и как-то показал, немного «приоткрыл» петербургскую тему в своем спектакле. На самом деле, я провел огромную исследовательскую работу, прежде чем поставить «Нижинского». Танцовщик эмигрировал в ранней юности, и меня, несомненно, в первую очередь интересовали места, где он выступал. А петербургские впечатления я просто положил в свою копилку коллекционера, собирателя.

— Расскажите, как обстоят дела с вашей знаменитой коллекцией? Вы наконец откроете ее для публики?

— Все не так просто. Я собрал довольно большую коллекцию с любовью и целиком на свои частные средства. Сегодня она так велика и так представительна, что является собой несомненную научную ценность и интересный объект для исследователей. Я бы не хотел, чтобы она была продана с аукциона, если

вдруг самолет, на борту которого окажусь, внезапно упадет. Правительство Гамбурга проявило интерес к этой теме и даже оказало финансовую поддержку, но ее оказалось недостаточно, чтобы открыть общественно доступный научно-исследовательский институт вокруг коллекции. И еще: пока я действующий хореограф, интендант балета и директор балетной школы, у меня нет возможности целиком принять на себя обязанность куратора этого гипотетического общественно доступного института. В настоящий момент я занят тем, что ишу достойное помещение, где бы могла пока размещаться моя коллекция целиком, в хороших условиях и с надлежащей охраной.

— Не только ваша коллекция, но и вы сами, насколько я понимаю.

— Конечно. Встречаются настоящие люди, которые покупают картины и здания для их хранения только для того, чтобы надежно разместить капиталы. Я же покупал каждую вещь моей коллекции из любви, часто оказывался в долгах, вырывая ту или иную вещь из рук случайного покупателя на аукционе. В этой ситуации для меня приемлема только такая форма общественно доступного музея, где для меня самого нашлось хотя бы место для кровати. Не говоря уже о моей безумной привязанности к этим вещам. Я и путешествовать обычно не подолгу, всегда стремился домой — привык жить среди этих вещей.

— Что интересного вы приобрели за последнее время?

— Много всего, но самое, на мой взгляд, любопытное — рисунок Льва Бакста 1909 года с эскизом костюма Нижинского для па де де Голубой птицы из балета «Спящая красавица». На рисунке запечатлен момент поисков Сергея Дягилева, когда он думал о золотой птице взамен императорской голубой. Это эскиз того самого костюма, о котором рассказывает в мемуарах Бронислава Нижинская как о крайне неудобном и смешном для экспрессивного танца Вацлава в роли Голубой птицы. Но

цветовая палитра, использованная художником, просто замечательна.

— В этом году вы намереваетесь завершить цикл балетов по симфониям Малера — ставите Седьмую, которую Бернштейн прямо называет «танцевальной»?

— Вполне можно сказать, что этот цикл завершается, так как есть такие сложные с музыкальной точки зрения симфонии Малера, как Вторая и Восьмая. Думаю, что я вряд ли когда-либо возьмусь за них. Если только найдется некое сверхфункциональное пространство, которое сможет вместить гигантский оркестр, большой хор и немало танцовщиков одновременно.

— Какая тема ведет вас на этот раз, если предварительное название балета — «Песня ночи»?

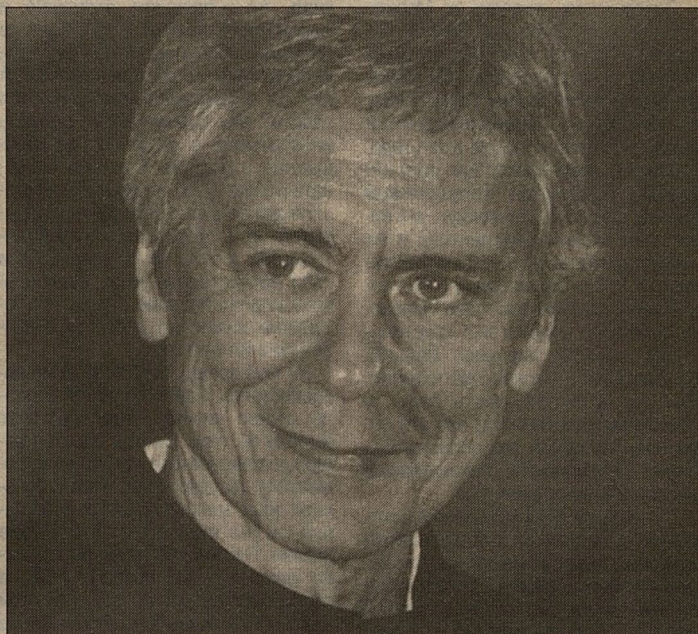
— Тема музыки как таковой. Я пытаюсь не увлекаться историями, навеянными музыкой, но беру эмоции, которые так или иначе присутствуют в музыкальной основе, и пробую их визуализировать. Но пока работаю в репетиционном зале с артистами, и в этом процессе может произойти все, что угодно, возникнуть любая тема.

— Русские темы смогут у вас снова появиться?

— Трудно сказать. Но, учитывая, что любой хореограф всегда находится в поиске балетной партитуры, а я часто дохожу в этих поисках до болезненного фанатизма, русской темы не избежать. Молодой композитор Лера Ауэрбах, американка русского происхождения, готова писать для меня балеты и уже написала два — «Прелюды С» и «Русалочку». Я очень доволен, что она появилась на моем горизонте, надеюсь и дальше сотрудничать. Я использовал много русской музыки за последнее время — Шостаковича, Римского-Корсакова, Шнитке — и буду дальше использовать, если внезапно не посыплется на меня град иных новостей в области балетных партитур.

Беседу вела
Екатерина БЕЛЯЕВА

Фото автора

Дж. Ноймайер

Кучбурга — 2005 — 10-16 ноября — 013